

УДК 343.131.8

ИСТИНА, «СУЩЕЕ» КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Ф.А. Абашева, кандидат юридических наук, доцент;

З.З. Зинатуллин, заведующий кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики (г. Ижевск)

«Сущее» есть по констатации Аристотеля и Канта не что иное, как «вещь в себе», то, что известный российский философ Н.А. Бердяев называл как «сама реальность», а наши ученые-юристы именуют «бытием» (В.С. Балакшин).

В любой своей интерпретации «сущее» есть то, что находится вне субъекта познания как некое предметное или духовное явление. В силу этого оно и выступает в виде объективной (по М.С. Строговичу — «материальной») истины, наличие (существование) которой, как подчеркивал в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин, «не зависит ни от человека, ни от человечества»¹.

Вне зависимости от формы своего проявления объективная истина как «вещь в себе» существовала в природе всегда. Лишь с появлением человека, живого существа, наделенного разумом (мышлением), стало возможным проникать в «сущее», познавать его и брать из него все, что полезно, ценно для человека. Существо человека, весь смысл его жизнедеятельности заключены именно в познании. Человек создан для познания; вне его он просто не существует. Человеческое мышление, выступающее в виде предметно-чувственной деятельности человека, способно познать все сущее, познать бытие во всех возможных аспектах своего проявления. О безграничных способностях человеческого разума в познании всего сущего свидетельствует вся история развития человеческой цивилизации. Для лиц, осознанно впитывающих

в себя основы диалектического мышления как реального познавательного процесса, это уже давно стало аксиомой.

Казалось бы, что скептицизм античного философа Протогора, суждения отцов агностицизма Гексли и Юма, проецированные английским юристом Г. Ноуксом и российским социологом Н.К. Михайловским и на познание в области социальных отношений, безвозвратно канули в прошлое. Но, к сожалению, и сегодня мы встречаемся с утверждениями о невозможности познания человеком «вещи в себе», объективной (материальной) истины. Особенно ярко это проявилось в последние десять-пятнадцать лет в связи с бурными социально-экономическими преобразованиями и реформированием законодательства, в частности уголовно-процессуального. При этом приводятся такие аргументы, которые ничего научного в себе и не содержат, зачастую являются следствием сознательного отступления даже от обычных правил логических рассуждений. Так, из всем нам известного утверждения одного из идеологов действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) Е.Б. Мизулиной о том, что Бога, которому одному только и известна истина, никто не видел, совершенно не следует, что истины не существует вообще. В силу правил формальной логики об одном и том же нельзя одновременно утверждать и это же самое отрицать. Если

истина известна какой-то субстанции, то это не означает, что истина в реальности имеет место. Другого (по логике — третьего) здесь просто не дано.

Перенеся сказанное на криминальные отношения, не трудно заметить, что объективная (материальная) истина здесь есть не что иное, как реальная (фактическая) картина совершенного деяния (преступления).

Посредством своих чувственно-предметных рецепторов человек как субъект познания воспринимает в своем сознании картину совершенного деяния и, опираясь на достижения человеческой жизнедеятельности (опыт), мысленно воспроизводит («запечатлевает», «рисует») реальную картину произошедшего деяния (объективную истину). Результаты такого воспроизводства и есть по Н.А. Бердяеву «знание о реальности»; знание, в частности, не только о том, где, когда и как произошло то или иное деяние, но и что оно из себя представляет. Применительно к последнему речь и идет о социальной оценке содеянного. Вследствие того, что деяние может считаться преступлением лишь при наличии в нем закрепленных в правовой норме (статья 14 УК РФ) свойств, ответ на вопрос, что представляет собой совершенное деяние, предполагает именно социально-правовую его оценку. Отсюда и следует, что устанавливаемая по расследуемому и разрешаемому уголовному делу истина есть не что иное, как знание о соответствии реальной действительности (истине «в бытии») выводов следственно-прокурорских и судебных органов о наличии или отсутствии искомых фактов и обстоятельств в их социально-правовой сущности. Сам же процесс отыскания (установления) такой истины и есть то, что именуется как уголовно-процессуальное доказывание.

В сфере криминальных отношений, связанных с разрешением человеческих судеб, возможность познания истины по каждому отдельному уголовному делу отождествлялась с необходимостью. Законодательно это выражалось в закреплении в статье 20 УПК РСФСР 1960 года требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Посчитав такое требование по отно-

шению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности «антагонистическим»², идеологи УПК РФ исключили его из числа уголовно-процессуальных принципов. Вместе с тем каждому процессуалисту ясно, что без всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств того или иного уголовного дела и оценки всей совокупности собранных по нему доказательств невозможно принятие ни одного законного, обоснованного и справедливого уголовно-процессуального решения, тем более постановления судебного приговора. Вне зависимости от того, что такой принцип оказался не закрепленным в УПК РФ, в следственной и судебной практике он существует и будет иметь место всегда. Не лучше ли законодателю прислушаться к реалиям жизни и восстановить такое требование в статусе уголовно-процессуальных принципов, как это, к примеру, имеет место по УПК Республики Беларусь (статья 18).

Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела выступает в качестве гарантии, действительного средства установления истины по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу. Но, к сожалению, объясняя необходимость постановки перед лицами, ведущими судопроизводство, лишь достижение конкретных практических задач (П.А. Лупинская), из УПК РФ исключается содержавшееся в статье 243 УПК РСФСР упоминание о нацеленности председательствующего в судебном заседании на установление истины по разрешаемому судом уголовному делу. В качестве цели процессуального доказывания объявляется необходимость достижения по делу «социально-полезного результата» (И.Б. Михайловская). При этом совершенно не объясняется, что надлежит понимать под таким результатом, каково его содержание. Если при ответе на такие вопросы ограничиться указанными в статье 73 УПК РФ подлежащими доказыванию по уголовному делу обстоятельствами, то не трудно заметить, что они даже в своей совокупности не воспроизводят реальной картины совершенного преступного деяния, а дают лишь определенные знания о ней.

Эти знания в силу отдельных причин, в том числе и носящих субъективный характер, могут быть ошибочными, не отражать того, что имело место в реальной жизни. Постановленное на таких знаниях процессуальное решение, тем более судебный приговор, может и не соответствовать требованиям законности и обоснованности. К тому же заметим, что и уровень знаний об отдельных подлежащих доказыванию обстоятельствах дела может быть различен. Если, к примеру, знания о способствовании совершению преступления обстоятельствах (часть вторая статьи 73 УПК РФ) могут быть и не полными, то относительно наличия события преступления и виновности именно подсудимого в его совершении (пункты 1 и 2 части первой статьи 73 УПК РФ) знания должны быть точными, истинными. Да и закон не допускает постановления обвинительного приговора на более низком уровне знания о таких обстоятельствах (часть четвертая статьи 302 УПК РФ).

Исключение из УПК РФ даже малейшего упоминания о необходимости установления по каждому уголовному делу объективной истины позволило законодателю ввести в практику уголовного судопроизводства институт, не требующий даже намека на необходимость установления по разрешаемому судом делу истины (статьи 314–317 УПК РФ). Чтобы быть осужденным, подсудимому достаточно признать себя виновным в инкриминируемом ему преступлении. При этом полностью игнорируется закрепленное в части второй статьи 77 УПК РФ указание на то, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Институт этот ведущими учеными России признан не только юридически ущербным, но и аморальным (В.Н. Кудрявцев, И.Л. Петрухин и др.). Приходится лишь сожалеть о расширении практики применения этого института. Понятно, что количество рассматриваемых судами уголовных дел ежегодно увеличивается, и действующему судебному корпусу все труднее справляться с

их своевременным и качественным разрешением. Но это не повод для отступления от требования необходимости установления объективной истины по каждому уголовному делу. Выход надо искать в увеличении штатной численности судей, в совершенствовании подсудности уголовных дел, в повышении научно-технической оснащенности судов, способствующей более оперативному рассмотрению и разрешению дел, а также в других социально-экономических мерах.

Отрадно, что отсутствие в УПК РФ 2001 года упоминания об истине как цели уголовно-процессуального доказывания и даже введение названного выше института, представляющего собой по сути своей заключение определенного соглашения (сделки) между подсудимым и судом (подсудимый признает себя виновным, а суд обязуется не назначать наказания более двух третей от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление), не привели, да и просто не могли привести к отрицанию необходимости установления истины по делу для правильного его разрешения.

Но вместе с тем такие законодательные новации стали своеобразной подпиткой для появления в уголовно-процессуальной науке различных взглядов на характер и содержание устанавливаемой по уголовному делу истины.

Закрепленный в статьях 314–317 УПК РФ институт принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением по своему содержанию представляет собой возрождение идеи конвенционализма (от лат. *conventio*) о достаточности произвольного соглашения для признания того или иного явления действительно существующим.

Основоположник конвенционализма французский ученый XIX века Жюль Анри Пуанкаре развивал свои идеи в применении к физике и математике. Идеи конвенционализма нашли благоприятную почву и в области международных отношений. Наш законодатель, как видим, счел возможным распространить их на сферу уголовно-процессуальных отношений. В уголовно-процессуальной науке идеи доста-

точности установления по уголовному делу так называемой «конвенциональной истины» развиваются, в частности, Е.А. Карякиным, полагающим требование достижения в судопроизводстве абсолютной истины «запредельно поднятой планкой», высоту которой невозможно преодолеть с точки зрения практической деятельности³.

В уголовно-процессуальной науке подвергнуты справедливой и обоснованной критике⁴ и выдвинутая А. Александровым новомодная теория «плюральности истин», и попытки подменить устанавливаемую по делу истину так называемой «доказанной достоверностью» (А. Пиюк). Объективную истину как «адекватное отражение доказательств обстоятельств дела» (А.В. Кудрявцева), как сформировавшееся на основе определенной совокупности достоверных доказательств знание о значимых в социально-правовом отношении обстоятельствах конкретного преступления вслед за абсолютным большинством ученых и практиков необходимо принять как аксиому, не требующую подтверждения какими-либо доказательствами.

Отрицательные последствия нигилистического отношения к вопросу о

необходимости установления по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу объективной истины заключаются, как нам представляется, в следующем: во-первых, это прямой путь к возможному осуждению лиц, не виновных в преступлении; во-вторых, это один из возможных способов оправдания нерадивого, халатного отношения к исполнению соответствующими должностными лицами (следователями, судьями и т.д.) своих служебных обязанностей; в-третьих, это путь к формированию у граждан, и в частности потерпевших от преступления лиц, неверия в способность правоохранительных органов государства раскрывать преступления, устанавливать и изобличать виновных в них лиц, назначать им именно то наказание, которое они заслужили.

Преодолению подобных последствий, на наш взгляд, должно способствовать не только формирование в целом единообразного понимания и отношения со стороны всей юридической общественности к объективной истине, но и законодательное закрепление требования об установлении такой истины по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Том 18, С. 123.

² См.: Комментарий к УПК РФ / Под ред. Д.Н. Козака, Е.Б. Мизулиной. М., 2002. С. 65.

³ Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). Ч. 1. Екатеринбург, 2005. С. 418.

⁴ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 1. М., 2004. С. 203.